

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Кисель Полины Олеговны на тему: «Раздельно-слитные слова лихэцы глагольно-именной модели в современном китайском языке», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык)

Диссертационная работа П.О. Кисель представляет собой серьезное, самостоятельное, хорошо структурированное исследование одного из сложных аспектов китайского языка – глагольно-объектных комплексов *лихэцы*, статус которых является дискуссионным, что автору удалось отчетливо продемонстрировать в разделе диссертации, посвященном истории вопроса. Работа состоит из введения, двух глав, поделенных на разделы, заключения и списка использованной литературы. Введение содержит необходимые формальные разделы, представляющие работу. Первая глава содержит подробный анализ различных подходов к глагольно-объектным комплексам в китайском языке и краткий обзор параллелей в языках региона. Во второй главе, которая является основной, представлен авторский подход к рассматриваемому явлению: классификация *лихэцы* в соответствии с семантическими характеристиками объекта и их отношении к предикату. Можно отметить, что диссертант выбирает для исследования тему, с одной стороны, очевидно, вполне известную и разработанную в традиции китайского языкознания, а, с другой стороны, до сих пор не имеющую однозначной трактовки, что говорит о сложности темы и смелости диссертанта. Можно отметить, что работа базируется на данных Корпуса китайского языка, что позволяет системно рассматривать конструкции на большом объеме данных. К очевидным достоинствам работы можно отнести и наличие грамотного глоссирования, что позволяет воспринимать материал не только специалистам по китайскому языку, но и лингвистам-типологам. Диссертант хорошо ориентируется в рассматриваемой тематике и, несомненно, вносит свой вклад в определении места объектно-глагольных комплексов в системе языка и в классификацию их разновидностей. «Диссертабельность» работы не вызывает сомнений.

Как любое серьезное исследование диссертация П.О. Кисель вызывает и ряд замечаний и вопросов. Следует сразу оговориться, что они не ставят под сомнение результаты работы диссертанта, но направлены на возможные перспективы исследования и, в некоторых случаях, на устранение недопонимания текста со стороны лингвиста-типолога, не владеющего китайским языком. Постараюсь изложить их в хронологическом порядке, а не по степени значимости.

1. Во фразе на с. 13 «Существует два типа «пустого» именного компонента, и синтагматическое взаимодействие со вставками у *лихэцы* с «пустым» именным компонентом – семантическим дублером глагольного и у *лихэцы* с «пустым» именным компонентом – генерическим, или родовым, объектом различается.» сложности с синтаксисом и пунктуацией, на мой взгляд, критично осложняют понимание смысла.
2. На с. 14 в 5 пункте положений, выносимых на защиту, не очень понятно, почему генерические или родовые объекты приравниваются к «пустым» - все же это разные явления.
3. В пункте 8 на той же странице требует пояснения термин «квазисчетные слова». Этот термин снова встречается во второй главе, но до конца его смысл так и не становится понятным: «квазисчетным» словом называется, например «чашка» при объекте «рис» (с. 92) – я бы назвал это обычным количественным (в противоположность качественному) нумеративным классификатором, а на с. 98 к «квазисчетным» относится неопределенное местоимение «несколько» в примере 92 (для меня – это обычный квантификатор, типа, «много», а не «счетное слово»).
4. При аргументации свойств *лихэцы* как слова непонятно отсутствие разницы в переводе на с. 31-32 со вставкой и без нее (как, впрочем, и сама аргументация в этом пункте): 洗澡 *xǐxǐzǎo* ‘помыться разок’ и 洗一洗澡 *xǐ yī xǐ zǎo* ‘помыться разок’.
5. При обсуждении на с. 46 наличия неделимых двухсложных единиц – «Исключения составляют сохранившиеся с древности простые (неделимые на морфемы) двухсложные единицы типа 玻璃 *bōlí* ‘стекло’, 葡萄 *pútáo* ‘виноград’, 蛤蟆 *há má* ‘лягушка’, 蝴蝶 *húdié* ‘бабочка’ и фонетические заимствования, не членящиеся на значимые сегменты. Эти случаи являются примерами наличия в китайском языке и асемантических слогоморфем, конституирующих морфему.» - не ясно, какой именно элемент двухсложной единицы является «асемантическим», и что означает «семантический» элемент. Скорее, эти примеры означают наличие в китайском двухслоговых морфем, или требуется какое-то объяснение.
6. Фраза на с. 46-47 «например, в китайском языке односложный глагол в повествовательном предложении не принято употреблять без дополнения» ставит вопрос о конструкциях с переходными глаголами, которые не подразумевают наличия объекта. Вряд ли в китайском нет переходных глаголов.
7. Выражение на с. 48 «Требования внутреннего ритма китайского текста...» для неспециалиста в китайском языке требует пояснения и звучит несколько «эзотерически».

8. На мой взгляд большего внимания заслуживает сравнение китайских комбинаций глагол + объект с явлением инкорпорации. Так, например, на с. 50 в качестве типологической параллели к лихэцы приводятся примеры из кхмерского языка, в котором возможность позиционной перестановки объекта увязывается с его референциальным статусом – это практически совпадает с наличием в классических инкорпорирующих языках параллельных инкорпорирующих (нереференциальный объект) и не инкорпорирующих (референциальный объект) конструкций (см., например Mithun 1984, 2000; Zheltov 2020). В целом, один из самых интересных для типолога раздел 1.4 «Схожие явления в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» мог бы быть расширен и более стройно структурирован на явления, связанные с генетическим родством языков (бирманский), ареальным влиянием (японский) и типологически сходные явления. В последнем случае обширный материал по аналогичным глагольно-объектным комплексам в инкорпорирующих языках был бы весьма интересен и полезен, тем более что во второй главе термины «инкорпорация» и «инкорпорированный» достаточно активно используются. Подобное расширение типологического контекста, возможно, привело бы автора к некоторым выводам широкого теоретического характера. Материал второй главы, возможно, мог бы расширить теоретические представления о формах и видах инкорпорации, дополнив ее теорию материалом китайского языка. Каким бы парадоксальным не казался поиск инкорпорации в изолирующем языке, подключение китайского материала к теории инкорпорации придало бы ей более типологический и теоретический характер, и, позволю себе предположить, могло бы серьезно повысить ее цитируемость. Например, для аналитических языков явление инкорпорации не является невозможным (см., например, работы Т. Блеке о тигемахо и Д. Кресселя о мандинка и сонинке – языках манде, обычно типологизируемых как аналитические).
9. Во фразе из вывода 5 к первой главе на с. 53 «На основании семантического критерия (идиоматичности значения) и/или критериев воспроизводимости, номинативности *лихэцы* являются словарными сложными словами.» требует пояснения упоминание «номинативности».
10. При разграничении на с. 68 лихэцы с «пустым» и «генерическим» объектом не всегда подобное разграничение представляется очевидным: «吵架 chǎojià ‘ссориться’ (букв.: ‘скандалить, ссориться’ + ‘перепалка, драка’), 拐弯 guǎiwān ‘повернуть, свернуть за угол’ (букв.: ‘повернуть, завернуть’ + ‘поворот’) и т.п.» определяются как конструкции с пустым объектом, а, казалось бы, аналогичная

конструкция «唱歌 chànggē ‘петь’ (букв.: ‘петь’ + ‘песня, гимн’)» определяется как конструкция с генерическим объектом.

11. В цитированном фрагменте на с. 70 «Как отмечает Сян Юаньмао, в таких единицах, как 吃饭 chīfàn ‘есть, принимать пищу’ (букв.: ‘есть’ + ‘рис на пару’), 跳舞 tiàowǔ ‘танцевать’ (букв.: ‘прыгать’ + ‘танец’), 走路 zǒulù ‘идти’ (букв.: ‘идти’ + ‘путь, дорога’), 唱歌 chànggē ‘петь’ (букв.: ‘петь’ + ‘песня’) именной компонент утратил референцию и вещественность, однако обладает высокой степенью предсказуемости, являясь наиболее характерным именем при глаголе, на семантике которого базируется значение двуслога [цит. по: Ван 2008, с. 64].» приведенные примеры не кажутся однородными: «есть рис на пару», «идти дорогу» и «петь песню», видимо, можно сопоставить (учитывая значимость риса в китайской культуре), но «прыгать танец» представляется примером отличным – не факт, что «прыгать» так же однозначно ассоциируется с «танцем», как «петь» с «песней». С другой стороны, рассматриваемые в другом разделе (с 73) «Лихэцы с именным компонентом – семантическим дублером глагольного» типа «洗澡 xǐzǎo ‘мыться, принимать ванну’ (букв.: ‘мыть, купаться’ + ‘купанье, ванна’), 睡觉 shuìjiào ‘спать’ (букв.: ‘спать’ + ‘сон’)» на мой взгляд не отличаются от «петь + песня» и примеров с «пустым» объектом.
12. Мне также не вполне ясна фраза на с. 99 «Определения в препозиции к именному компоненту зачастую **не требуют постановки атрибутивного 的 de** и образуют с зависимым компонентом лихэцы, являющимся свободным корнем, единое понятие». В последующих примерах 96 и 97 «понимать мирские_дела» (одно слово – АЖ) и «понимать политику» я не вижу атрибутивности, следовательно, *de* и не подразумевается.
13. На с. 102 я не понимаю пояснения к 104 примеру – «В примере (104) в состав разделяемого предиката, помимо косвенного дополнения, помещается определение, состоящее из счетного комплекса и прилагательного. ... Образованная разъединенная конструкция лихэцы не является инкорпоративным комплексом: косвенное дополнение не инкорпорируется в состав двусложного предиката, а помещается в постпозиции к односложному глаголу» Насколько я понял, предикат в примере - «*réi* возмещать + *kuǎn* сумма = выплачивать», косвенное дополнение «помещается» между этими элементами, как и остальные указанные элементы, почему именно оно «не инкорпорируется»?

14. В цитате на с. 105 «Тем не менее данные единицы внесены в словарь ввиду высокой воспроизводимости, в составе некоторых из них присутствуют связанные морфемы: 施肥 shīféi ‘удобрять’ (букв.: ‘применять’ + ‘удобрение’), 受伤 shòushāng ‘получить травму, ранение’ (букв.: ‘подвергнуться’ + ‘травма, ранение’), 违法 wéifǎ ‘нарушать, преступать (закон)’ (букв.: ‘нарушать, преступать’ + ‘закон’), 犯法 fànǎ ‘нарушать, преступать (закон)’ (букв.: ‘нарушать, преступать’ + ‘закон’), 纳税 nàshuì ‘платить (налоги, пошлины)’ (букв.: ‘вносить, платить’ + ‘налог, пошлина’), 道歉 dàoqiàn ‘извиняться’ (букв.: ‘говорить’ + ‘извинение’), 得病 débìng ‘заболеть’ (букв.: ‘получать’ + ‘болезнь’) и т.п.» мне непонятно, какие «некоторые» морфемы здесь называются связанными, а какие нет.
15. Появляющаяся в выводах на с. 122 «стратегия частичной инкорпорации» остается не очень ясной – возможно, это определение стало бы более понятным, если бы представленный материал был бы более включен в общую типологию инкорпорации.
16. Библиография выглядит достаточно представительной в русскоязычной и китайской части, но англоязычная часть (7 работ) могла бы быть расширена (вот только несколько релевантных на наш взгляд работ): Verb-Object Compounds and Idioms in Chinese by Adams Bodomo, So-sum Yu & Dewei Che; A Constraint-Based Analysis of the Objects of VO Verbal Compounds in Mandarin Chinese by Dewei Che and Adams Bodomo; Resultative Verb Compounds in Mandarin Chinese: A Case for Lexical Rules by Sandra Annear Thompson, Language, Vol. 49, No. 2 (Jun., 1973), pp. 361-379; Mandarin Compound Verbs by Karen Steffen Chung; On the Interface Properties of Cantonese Verb-Object Compounds by CHIN Kin-chung; Acquisition of Chinese Verb Separation by Adult L2 Learners by Zhe Gao, Seth Wiener and Brian MacWhinney и т.д.
17. Можно привести и два общих вопроса ко всей работе. Во-первых, было бы интересно сравнить представленный континуум глагольно-объектных «слитно-раздельных» «биномов» с крайними точками: глагольно-объектными конструкциями, которые никогда не подвергаются «разделению», и конструкциями, никогда не образующими слитных форм (если такие разновидности существуют в китайском языке). При этом мы могли бы увидеть полный континуум слитных, раздельных и слитно-раздельных объектно-глагольных сочетаний. Во-вторых, было бы интересно понять реагирует ли на различные типы объектно-глагольных конструкций тоновая синтагматика: есть ли она, в принципе, реагирует ли она на

сочетание тонов лишь формально (вне зависимости от типа синтаксической связи), или есть особенности изменения тонов в различных синтаксических контекстах (в частности на «слитность»/»раздельность» глагола и объекта).

Все упомянутые замечания носят характер либо очень частный, либо дискуссионный, либо направлены на продолжение и развитие исследования и не ставят под сомнение высокий уровень представленной к защите работы, являющейся самостоятельным, хорошо подготовленным, квалифицированным диссертационным исследованием.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Кисель Полины Олеговны на тему: «Раздельно-слитные слова лихэцы глагольно-именной модели в современном китайском языке» соответствует специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык);

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Председатель диссертационного совета

Доктор филол. н., доцент,

профессор кафедры африканистики СПбГУ

Желтов А.Ю.

27.11.2023